

Виктор Сергеевич Мартьянов

доктор политических наук,

Институт философии и права

Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: martianov@instlaw.uran.ru

ORCID: 0000-0002-7747-0022

SPIN-код: 8770-5974

Разоблачение короля: фальсификация западного мейнстрима

Аннотация. Мейнстрим социальных наук связан с формированием нормативной картины мира современных обществ. Главная роль в ее создании принадлежит тем, кто имеет наибольшее влияние и возможности по продвижению и распространению своих взглядов. В этом контексте описание социального мира и его закономерностей трудно отделить от установления самих правил его функционирования. Исторически слабеющий Запад и укрепляющиеся незападные центры силы осуществляют передел сфер глобального влияния. Незапад обретает технологическую и ресурсную автономию, но колониальное мышление и воображаемые глобальные иерархии являются наиболее труднопреодолимыми. Лучший мир всегда возникает после конфликта, в ходе которого стороны утрачивают былые иллюзии о себе и своем месте в мире, проводят инвентаризацию собственных ресурсов и выходят на прагматичные переговорные позиции по фундаментальным вопросам. В этом контексте целью социально-политических теорий всегда является не только поиск истины об обществе, но и ценностно-институциональное лидерство субъектов этих теорий в интерпретации постзападной Современности/Модерна. Одним из ключевых вопросов глобальной трансформации мейнстрима социальных наук, культурных и политэкономических иерархий является легитимация назревших перемен, в которых заинтересованы незападные участники конфликтного взаимодействия. Последовательное противостояние Западу подразумевает не роль привычно унижаемого традиционалистского оппонента, а деятельное оспаривание западной гегемонии в интересах более широкой, справедливой и глобальной версии Современности. Актуальное российское общество может реализовать потенциал системообразующего морально-политического субъекта такой версии Современности.

Ключевые слова: мейнстрим, Запад, Модерн, Современность, друг – враг, центр-периферия, бинарные коды, транзитология, легитимация, социальные изменения

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

В фундаментальном политическом различии претендовать на полноценность, автономию, суверенитет и самоузаконение можно лишь в контексте признания тебя другими субъектами другом или врагом (К. Шмитт). Только подобное отношение является критерием политического признания сторонами друг друга, то есть относительного равенства. В ином случае возникает иерархическая градация статусов субъектов политического взаимодействия, когда одна из сторон претендуя на универсальность, всеобщность и нормативность, пытается объявить другую преступником и маргиналом, в отношениях с которым невозможны ни договоренности равных, ни конфликтное взаимодействие в виде войны, а допустимы только наказания и санкции. Исправить подобную асимметрию политический субъект может только поднятием ставок и рисков. Например, объявлением полноценной и тотальной войны тем, кто объявляет тебя преступником и изгоем. Эта ситуация всегда релятивна и зеркальна. Политический субъект, претендующий на гегемонию, может быть законодателем и назначать преступниками других только в случае, если кто-то из оппонентов признает себя преступником и действует, как ожидается от *преступника*, то есть таким образом, что на практическом и на символическом уровне это не меняет его маргинального (неравного) статуса. Например, когда контрагент не объявляет войны, а ограничивается терроризмом; не вводит ответные санкции, а ограничивается контрабандой; использует чужой ценностный и понятийно-описательный словарь вместо разработки своего и т.д. В противном случае подобные политические статусы, оценки и решения ничтожны как в международном праве, так и во внутренней политике. В настоящее время в глобальном мире происходит фундаментальная переконфигурация друзей

и врагов, гегемонов и сателлитов, а также их коалиций, связанная с ослаблением Запада относительно других центров силы.

Исторически взлет мирового влияния Европы/Запада был подкреплен передовыми военными технологиями, религиозным подъемом и образованием прогрессивных городов-республик (от Венеции и Генуи до Амстердама и Ганзейского союза), в которых зарождались социальные технологии и институты современного общества. Первоначально историческая ситуация капитализма отождествлялась исключительно с Западом. А точнее, с совокупностью европейских метрополий, описываемых как нормативный тип общества для Незапада. Этот тип общества был положен в основание исходного европейского нарратива социальных наук, призванного объяснить закономерности принципиально новой исторической ситуации Модерна, сменившей сословно-феодальный Старый порядок (Ancien Régime). Позже выяснилось, что *доступные в будущем* современные нормы и институты Европы/Запада культурно-исторически оказываются недостижимыми идеалами для всех остальных обществ. Более того, практики воспроизводства этих ценностей и норм в остальном мире представляют развернутые системы подавления, эксплуатации, сегрегации и двойных стандартов, выступающая системным онтологическим отрицанием нормативного самоописания метрополий, адресованного человечеству в целом. Навязанное извне уничижительное описание колоний обнаруживает предельную нерелевантность в ситуации распада западных колониальных империй, усиления освободительных движений и деколонизации сопоставимых по влиянию с Западом великих культур и мировых регионов (Го 2024). Проблема заключается в том, что онтологически всегда прав объект или конкретно-историческое общество. Поэтому несоответствие обобщающих схем описываемой реальности свидетельствует прежде всего об ущербности теорий, а не о патологии социальных фактов, как часто утверждают транзитологические или модернизационные теории, наследующие общему для них дискурсу колониализма. Это противоречия, методологически относящиеся лишь к идеальному типу, которым подменяются конкретно-исторические общества.

Ключевым противоречием в основании социальных наук является неразрешимая двойственность задачи самоописания

модерного общества, связанная, во-первых, с вариативными научными объяснениями его закономерностей, а во-вторых, – с противоречивыми нормативными суждениями о всеобщем благе и *должном состоянии* этого общества, которое первоначально представлялось исключительно как европейское/западное. С одной стороны, умножаются попытки мейнстрима социальных наук подражать *естествознанию*, симулируя применение невозможных для наук об обществе принципов, критериев и процедур *чистой науки*, с другой – идет бесконечный процесс борьбы за легитимацию и нормализацию партикулярных этических и идеологических взглядов на общество как на целое. В подобном контексте выясняется, что западный мейнстрим социальных наук как совокупность доминирующих теорий и понятий «не стоит воспринимать как объективную данность, заданную всем ходом развития современной цивилизации, а то и самой природой человека. Либеральная политология и неоклассическая экономика не оформились бы в господствующую парадигму обществознания без геополитического успеха британской и затем американской гегемонии XIX–XX веков... она идеологически возводит в абсолют довольно специфический опыт геополитически удачно изолированной и одновременно расположенной у основания мировых торговых маршрутов островной и заокеанской окраины Запада» (Дерлугьян 2009: 20-21).

Тем не менее Запад как победитель в *холодной войне* на некоторый период смог освободить себя от необходимости доказывать свое моральное преимущество, при этом не сразу заметив, что легитимирующие основания для *конца истории* и *нового золотого века* рухнули вместе с первыми военными западными экспансиями 1990-х. Эти военные вмешательства создали у коллективного Запада обманчивое впечатление, что так будет всегда. Коллективный Запад не учел опыта всех предшествующих империй и гегемонов: предвестниками их упадка были не поражения в войнах, а их учащение. Войны могли быть и победоносными, но до определенной поры, пока силы и резервы империй не начинали истощаться. Презумпция вечного нахождения противника в предельно униженном и слабом состоянии не выдерживает критики, как и его готовность навечно смириться с таким положением вещей. Поскольку

история не знает окончательных побед, разумной тактикой при взаимодействии слабеющих гегемонов с растущими центрами силы является прагматизм, основанный на компромиссах. Однако именно эта взвешенная и оптимальная стратегия первоначально считается слабостью, пока переговорные позиции привычных гегемонов не будут скорректированы в более жестком сценарии. В данном контексте Россия вряд ли восстановит в обозримой перспективе глобальный уровень советского влияния, но находиться в упадке 1990-х она тоже больше не может. Ребалансировка сил и центров влияния в мире осуществляется постоянно. И российская аргументация, связанная с восстановлением естественного ареала безопасности, достоинства и суверенитета, национальными интересами и нивелированием двойных стандартов, безусловно убедительнее, чем западная агрессивная риторика о несоответствии России неким понятиям и стандартам, которыми сам Запад в случае противоречия этих *незыблемых правил* своим интересам всегда готов пренебречь. В условиях решения экзистенциальных вопросов российской нации вся наступательно-принудительная риторика Запада, связанная с аксиоматической монополией на интерпретацию истории, демократии, рынка, прав человека, норм международного права и введение санкционных кейсов, становится окончательно дискредитированной, утрачивая нормативное влияние. Это положение усугубляется все более случайным и конъюнктурным характером всех тех новейших тенденций и явлений, интересов и практик, идей и ценностей, которые выдаются Западом за общезначимую норму. В ситуации позднего, или *текучего* Модерна (З. Бауман) все чаще происходит эклектичное масштабирование претендующего на общезначимость локального, случайного, ситуативного с приставками *пост-*, *альтер-*, *нео-*, *мета-*, *гипер-*, *транс-* и т.д. Достаточно быстро скороспелые мейнстримные утопии обнаруживают пределы своей универсализации, а завышенные социальные ожидания сменяются разочарованием.

При этом ослабление военного, технологического и экономического лидерства Запада происходит быстрее, чем пересмотр оснований культурного доминирования, поскольку выход из смысловой системы иерархической номенклатуры ряда взаимосвязанных понятий мейнстрима возможен только

посредством взгляда на нее извне, что предполагает выработку альтернативных ценностно-институциональных координат и консолидирующих нарративов. Проблема заключается и в том, что «...даже самые ярые оппоненты “одностороннего доминирования исторического Запада в мировых делах” не способны сформулировать свои претензии без опоры на базовые ценности демократии и прав человека. Более того, в российском контексте ссылка на западную норму – почти необходимый элемент любого политического решения, включая те, которые подвергаются суровой критике со стороны Запада. Этот факт указывает на критическую степень нормативной зависимости России от Запада...» (Морозов 2013: 54-55). Периферии в глобальном распределении ресурсов и технологических цепочек зависимы от центра, но в западном мейнстриме социальных наук причины их отсталости интерпретируются лишь как *внутренние*, порождаемые собственными дефектами, а также исторической, культурной, политической ущербностью; при этом все культурные отличия от Запада интерпретируются в *дискурсе отсталости*. В то же время причины неразвитости, выходящие за рамки периферии и корящиеся в особенностях асимметричного устройства самой миросистемы, остаются вне поля зрения теоретического мейнстрима как подрывающие легитимность центра миросистемы в качестве достижимого образца.

Парадокс состоит в том, что общества центра и периферии капиталистической миросистемы все чаще обнаруживают сходство в направлениях социальных изменений под влиянием одних и тех же всеобщих фоновых процессов урбанизации, секуляризации, индивидуализации, демократизации, индустриализации, автоматизации, роботизации и т.д. (Дерлугьян 2015). Страновые различия в действии данных процессов, постепенно охватывающих весь мир, объясняются прежде всего их исторической неодновременностью. Можно параллельно наблюдать, как периферийные общества движутся к демократии, в то время как *образцовые рынки и зрелые демократии коллективного Запада* по экономическим причинам усиливают протекционизм, ужесточают миграционное законодательство, пропитываются популистскими и националистическими настроениями, теряют наработанный ранее потенциал ценностно-институциональной

универсальности (Фишман 2019). Никто в мире не спорит, что демократия лучше, чем ее отсутствие. Или что рынок и конкуренция могут быть эффективными инструментами, содействующими благу народа. Большинство современных обществ открыто объявляют себя демократиями, ориентируясь на соответствующие ценности, институты и процедуры. Однако центр-периферийная структура миросистемы программирует неизбежные попытки закрепления иерархической дифференциации демократий, определениями которых служат прилагательные с отрицательной оценочной семантикой (нелиберальных, авторитарных, гибридных, частичных, фасадных, ограниченных и т.п.), вследствие чего выхолащивается само понятие *демократия*. Демократия превращается в пустое означающее, либо не применимое ни к одному реальному обществу, либо применяемое по специфическим критериям лишь к малой совокупности избранных обществ, образующих центр мироэкономики в виде либеральных демократий. В последнем варианте возникает фигура гегемона, прогрессора и интерпретатора, который начинает отказывать большинству западных обществ в их демократическом или рыночном характере, утверждая, что они архаичны, слабо развиты и недемократичны: «Одни субъекты присваивают право говорить от имени либерализма/рынка/демократии и обобщающей их Современности/Модерна, а другие – искусственно выводятся за рамки либерального консенсуса. Указанный интеллектуальный фокус реализуется посредством обществоведческих классификаций, опирающихся на бинарный принцип, когда все многообразие возможных классификаций сводится к одной оппозиции: норма/отклонение, которая в научной модальности изоморфна дихотомии истина/заблуждение. В результате человечество, исторически полностью вовлеченное в капитализм и легитимирующие его нарративы либерализма, рынка и демократии, попадает в парадоксальную ситуацию, когда с точки зрения западной гегемонии подавляющее большинство человечества в теории оказывается вне Современности/Модерна» (Мартьянов 2021: 115).

Глобальное угасание западного мейнстрима все чаще связано с попаданием в ловушку универсального рецепта теории модернизации, согласно которому выйти на *траекторию прогресса* можно с помощью институционального копирования

конкретно-исторических моделей рынка и демократии, де-факто демонстрирующих исчерпание потенциала развития в западных обществах. Поэтому транзитологическую терминологию, предназначенную для *отсталых обществ* в формате *фасадных, нелиберальных, авторитарных, заблокированных демократий с ограниченными, несовершенными, олигархическими рынками* и т.п., все чаще можно аргументированно переадресовывать самим западным обществам, возложившим на себя прогрессорские функции: «Эпоха американского доминирования уходит, но оказывает сопротивление по прежнему, хорошо знакомым проектно-нарративным канонам. Как внутри западных обществ, так и за их пределами оппозиция “либеральному” миропорядку объявляется автократической, фашиствующей и подлежащей низвержению во имя лучшего будущего» (Цыганков 2022: 12).

Дискурсы транзита и модернизации, предназначавшиеся западному миру и призванные интеллектуально легитимировать гегемонию Запада, были значимой составной частью западного мейнстрима. Они выявляли изъяны и неисторичность незападных обществ и демонстрировали достоинства западных в качестве всеобщего идеала/образца. По отношению к России «аксиома транзитологии заключалась в том, что необходимо применить универсальную политическую теорию к частному предмету – России, которая не обладает какой-либо “особенностью”, то есть собственной логикой исторического и социокультурного становления. Поэтому “российская политология”, исходящая из логики отличий, разрывов, “особенного”, “своего пути”, здесь просто немыслима» (Мартьянов 2007: 35-36). В интеллектуальном фундаменте *переходных концепций* продолжал господствовать хорошо замаскированный колониализм, подкрепленный расовыми теориями ориенталистики и антропологии. Если исходный колониализм киплингского типа в чистом виде предполагал, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток» и цивилизационное различие между ними останется навечно, то крушение колониальной системы внесло в этот дискурс вечно превосходства существенные коррективы. Социальные науки Запада стали предполагать историческую возможность для незападных обществ стать на один уровень развития с западными, если последние будут взяты за безальтернативный

образец и институционально скопированы. И когда многие незападные общества довольно быстро достигли военного, экономического, культурного уровня влияния западных, то оказалось, что эвристический и легитимационный потенциал концепций транзита и модернизации исторически исчерпан. В первую очередь это проявлялось в тех случаях, когда незападные общества достигали серьезных успехов в развитии вопреки указанным теориям и советам западных экспертов. Например, восходящие *азиатские тигры* применяли протекционизм вместо невыгодной им свободной торговли, воровали технологии, нарушали право интеллектуальной собственности точно таким же способом, как это ранее делали многие европейские страны в период бурного развития Запада (Чанг 2018). Основной проблемой мейнстримных концепций прогресса является длительное и устойчивое неразвитие значительной части мира. Теории, достаточные релевантно описывающие закономерности процессов, происходящих в политике и экономике Запада, оказываются бессильны при объяснении эффектов неразвития и неудач институциональных транзитов и трансплантаций. В сравнительной перспективе обнаруживается избирательный характер и чрезмерный редукционизм западного мейнстрима, отказывающегося признавать глобальную связанность человечества, в которой небольшой пул обществ центра капиталистической миросистемы контролирует глобальную экономику.

Эта идеологическая асимметрия нанесла ощутимый удар по западному мейнстриму, лишив его защитного слоя транзитологических и модернизационных концепций, ценность и востребованность которых в незападном мире объективно пошли на спад. Западные общества потеряли свойство *идеальности*, встав в *общий ряд* обществ глобального мира, испытывая примерно те же проблемы, угрозы и вызовы и больше не имея каких-либо явных ценностно-институциональных преимуществ, помогающих с ними справиться. В результате Запад утрачивает признаки *универсального сообщества*, становясь *частным* или *особым* примером, который все сложнее релевантно масштабировать на мир в целом. Прямой перенос партикулярного исторического опыта Запада в сравнительной межстрановой перспективе тоже все чаще оказывается просто невостребованным.

Для выстраивания глобальных нормативных иерархий требуется опора на принципиальные социальные, экономические, культурные преимущества. Ранее Запад мог говорить от имени *цивилизации*, *миссии белого человека*, *колонизатора неосвоенных земель*, *субъекта прогресса* и т.д. Сейчас этот нормативный ресурс, обобщаемый в монополии на *образцовую Современность*, перестает работать. Все принципиальные различия оказались скорее вообразаемыми, а ценностно-институциональных сходств у способов легитимации/воспроизводства западных и незападных современных обществ в глобальном контексте позднего Модерна больше, чем казалось на заре возникновения социальных наук, имевших дело преимущественно с европейскими реалиями. Повсеместно воплощенные базовые ценности и институты классического либерализма как исходной утопии Модерна, способы функционирования экономики и публичной сферы, легитимации и ротации элит, механизмы и ритуалы всенародного участия, ценностные предпочтения граждан и т.д. не демонстрируют в сравнительном межстрановом контексте разительных отличий. В результате все участники глобального взаимодействия потенциально получают *равное право* говорить от имени Модерна/Современности, что нивелирует исторические привилегии и преимущества западных обществ, которые пользовались инструментальными ресурсами риторики о демократии и рынке, модернизации и прогрессе в целях легитимации колониальных и/или исключительно национальных интересов.

Ослабление нормативной монополии на Модерн/Современность и попытки ее вернуть выражаются в компенсаторной интенсификации всех способов силового давления на врагов. Например, в переходе от шантажа отдельных суверенных стран к попыткам ограничения возможностей и принуждения отдельных корпораций и физических лиц, являющихся ключевыми акторами все более независимых и влиятельных в мире незападных обществ. Западные государства и их союзы продолжают стремиться к военной, экономической, культурной экспансии и обеспечению экстратерриториального действия своего законодательства. Они пытаются действовать за пределами своей национальной юрисдикции и вмешиваться во внутренние дела других государств в целях сохранения исключительного

контроля зависимых элит сателлитов, технологий, глобальной финансовой системы и доллара/евро как резервной (ключевой) валюты. Правовая оболочка вне рыночной конкуренции и вульгарная риторика санкций представляются как борьба за мир и универсальные правила, за рынок и демократию против автократий, хотя являются лишь борьбой за западную гегемонию. Подобные стратегии становятся все более неубедительным прикрытием для действий, которые, будучи совершаемы отдельными людьми, были бы квалифицированы как элементы таких составов уголовных и иных преступных деяний, как шантаж, принуждение, давление, коррупция, угроза, сговор, злоупотребление монопольным положением, терроризм, экстремизм и т.д. Попытки контролировать *свободные* глобальные рынки и ресурсные потоки вне рыночными и внеэкономическими методами исключительно в интересах Запада иницируют негативный консенсус ведущих стран Незапада, которые активно консолидируются против подобного *вирусного управления* (Mallard, Sun 2022). В условиях выравнивания радикальной асимметрии центров силы растет запрос на возврат к правовой определенности и многополярности международных отношений, связанных с ограничением двойных стандартов и взаимным признанием суверенитета и ареалов доминирующего влияния ведущих держав.

Мейнстримные описания и способы легитимации социальных порядков, где одни общества и классы являются ресурсной базой для других, а логика *политического реализма* и риторика *саморегулируемого справедливого рынка* не сдерживаются какой-либо моралью, все менее убедительны на фоне усиления незападных акторов, достижения пределов емкости глобальных рынков и трансформации принципов классового взаимодействия при обосновании критериев и объемов доступа к распределению общественных ресурсов (Фишман и др. 2019). Критики мейнстрима обнаруживают, что рыночные коммуникации, сколь бы *естественными* и *универсальными* они ни представлялись, осуществляются по правилам, которые выработаны вне поля экономики, несмотря на претензии экономического мейнстрима не только на автономию, но и на властное определение *универсальных закономерностей* общественного развития (Ефимов 2016: 135-149). Кроме того, западная версия неолибе-

рального политэкономического мейнстрима, связанная с *некритичным масштабированием метафоры рынка на все виды социальных фактов, действий и институтов*, имела и вполне прагматические задачи за пределами *чистой науки*, обусловленные желанием Запада «убедить постколониальные государства по всему миру идти по пути капитализма и держаться подальше от коммунизма» (Поскетт 2024: 13).

Абстрактные деления на *плохую власть над* (господство) и *хорошую власть для* (реализация благих целей), негативную *свободу от* и позитивную *свободу для*, экзистенциальное противоречие между *иметь* и *быть* и тому подобные всеобъемлющие бинарные оппозиции в действительности являются инструментальными. Они призваны доказать моральное превосходство субъекта высказывания, находящегося на стороне привилегированного члена оппозиции. Это превосходство всегда релятивно, так как другие участники дискуссии не менее убедительно могут расставить свои моральные приоритеты диаметрально противоположным образом. В результате понимание *общего блага, универсальных ценностей, демократии, свободы, справедливости, государственного интереса, институциональных правил, признаков прогресса* и иных понятий является бесконечным процессом *интерпретации*, который может поддерживать различные иерархии ценностных предпочтений. Вне подобного легитимирующего контекста власть и влияние всегда являются одним и тем же – реализацией структурных возможностей субъектов, их способности действовать в своих интересах, вне зависимости от того, кто, как и в каких ценностных (моральных) перспективах в дальнейшем будет интерпретировать эти действия и их последствия. Интерпретация всегда будет потенциально множественной и противоречивой, поскольку она зависит от количества вовлеченных заинтересованных и жизненной важности принятых ими решений.

Западный нормативный мейнстрим одновременно является не только языком науки, но и языком власти, транслирующим представления правящего класса Запада о *нормальном обществе и благе для него, а также о естественных иерархиях, необходимых для его стабильного воспроизводства*. Поэтому фундаментальная деколонизация континентов и стран, культур и народов неизбежно связана с критическим пересмотром

отведенного им Западом места в его культурных колониальных иерархиях. Тем более что мейнстримные западные теории существуют не столько для того, чтобы *понять* незападные общества, в отношении которых они применяются, сколько для того, чтобы встроить их в определенные *классификации цивилизованных обществ*, выступающих в качестве целевого образца. В таком контексте апелляция к *универсальным нормам/правилам и общему благу* часто является не более чем дополнительным ресурсом давления на оппонентов при распределении ресурсов и легитимации политических решений. В подобной идеологической перспективе отличия конкретных, одновременно сосуществующих обществ оказываются утрированными западным мейнстримом с целью обоснования морального, политического, технологического и иных видов превосходства одних обществ над другими. Критерии, избираемые для выстраивания базовых бинарных оппозиций, являются либо идеологически ангажированными, либо субъективными (мнение экспертов) (Иванов 2015), либо откровенно второстепенными, например связанными с преходящими эффектами исторической неодновременности. При этом Запад старательно избегает критической рефлексии в отношении самого себя, образуя нечто вроде *слепого* или *белого* пятна на глобальной исследовательской карте социальных наук. При пристальном внимании любой наблюдатель без труда обнаружит в западных обществах те же пороки и недостатки, которые они различают лишь *вовне*, но не в собственной внутренней реальности. Очевидно, что обнаружение *голового короля* нивелирует его авторитет и превосходство, а также право излагать некие бесспорные для других истины.

* * *

Технология конструирования бинарных оппозиций (рынок/план, цивилизация/дикость, разум/эмоции, прогресс/отсталость, демократия/тоталитаризм, современность/архаика, конкуренция/монополия, экстрактивные институты/инклюзивные институты, свобода/рабство и т.д.) и последующего отождествления себя с их привилегированными членами с целью обоснования своего идеологического и морального превосходства окончательно дискредитируется в ситуации общего кризиса привычных метафор и ценностных иерархий западного

мейнстрима. Данные оппозиции превращаются в прокрустово ложе альтернатив, когда якобы обезличенным, естественным и саморегулируемым законам рынка и демократии противопоставляется злая политическая диктатура/гегемония. Очевидно, что ни рынка, ни демократии, которые *справедливы сами по себе*, не существует, как, впрочем, и изначально нелегитимной пирамиды власти, поскольку всякая власть предполагает иерархичность и асимметрию: «...дилемма маскирует и не дает возможность понять то, что рынки – такие же социальные конструкты, как (властные. – В. М.) иерархии» (Ореховский 2020: 25). А будущи конструктами, они предполагают в каждом конкретном случае разнообразные и исторически изменяемые вне рыночные условия своего существования.

В условиях глобальной турбулентности привычные объяснения социальных изменений заведомо неспособны справиться с растущими изъянами рыночно-либеральных демократий как идеального типа модерного общества западного мейнстрима, в рамках которого предлагаются все нормативные регулятивные решения. В постзападном поле социальных наук разворачиваются актуальные дискуссии по широкому кругу вопросов: от интерпретации прогресса, свободы, справедливости, сравнительной ценности разных культур и традиций до объемов индивидуальных прав и обязанностей граждан или привилегий разнообразных этнических, сексуальных, религиозных, региональных меньшинств. Аналогична ситуация и с вариативным соотношением назначенных и избранных элит, гражданских свобод и обязанностей, индивидуальными и коллективными приоритетами, динамикой взаимодействия большинства и меньшинств, труда и капитала и т.д.

Исчерпание объяснительного потенциала понятий и нарративов западоцентристской социально-политической мысли, ориентированной на легитимацию совершенства, универсальности и внеисторичности ряда западных обществ, обуславливает продуктивность поиска категориальных альтернатив, которые могут вырабатываться в том числе и в России. Взаимосвязанные иерархии власти, социального знания и ценностных систем социальной регуляции в современном обществе могут изменяться только скоординированным образом. В настоящее время происходит медленная пересборка глобального понятийного словаря

социальных наук, который вместо риторики рыночных метафор, свободного рынка, честной конкуренции и либеральной демократии все чаще демонстрирует реальные способы социальной регуляции современных обществ. Например, способы социальной регуляции, связанные с постоянно растущей долей государства в производстве знания, технологий и распределении всех доступных ресурсов (Маццукато 2021), с пределами капитализма (Валлерстайн 2013: 26-27) или с трансформацией привычной социальной структуры *общества труда* (Мартьянов 2016). Ключевым вопросом становится описание новых закономерностей и ресурсов общества, его механизмов и субъектов, определяющих новые ценностно-институциональные иерархии.

Очевидно, что субъекты новых языков описания общества будут одновременно претендовать и на изменение картины мира и нормативного социального порядка, на закрепление социальных практик, институтов и структур, которые лучше согласуются с меняющейся национальной и мировой действительностью и в конечном итоге конструируют координаты обновленной социальной реальности и эффективные принципы общественного согласия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Валлерстайн И. 2013. Ускоренное падение. Наступление эпохи многополярности // Закат империи США: кризисы и конфликты : сб. статей / И. Валлерстайн [и др.]. Москва : МАКС Пресс. С. 19–32.

ГоД. 2024. Мыслить против империи: антиколониальная мысль как социальная теория / пер. Н.В. Романовского // Социологические исследования. № 1. С. 15–27. DOI 10.31857/S0132162524010028

Дерлугьян Г. 2009. Стабилизационная политсистема в поисках динамизма? // Оценка состояния и перспектив политической системы Российской Федерации в 2008 году – начале 2009 года : Первый ежегод. докл. Ин-та обществ. проектирования / отв. ред. М.В. Рогожников, Г. Дерлугьян. Москва : Ин-т обществ. проектирования. С. 13–32.

Дерлугьян Г. (ред.) 2015. Есть ли будущее у капитализма? / И. Валлерстайн, Р. Коллинз, М. Манн [и др.]; под ред. Г. Дерлугьяна. Москва : Изд-во Ин-та Гайдара. 316 с.

Ефимов В.М. 2016. Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики. Москва : КУРС : ИНФРА-М. 350 с.

Иванов В.Г. 2015. «Charts power» – «рейтинговая сила» как инструмент мягкой силы и экономическое оружие: технологии

использования и стратегии противодействия. Москва : Инфра-М. 188 с.

Мартьянов В.С. 2007. Метаморфозы российского Модерна: выживет ли Россия в глобализирующемся мире. Екатеринбург : УрО РАН. 344 с.

Мартьянов В.С. 2016. Социальная стратификация современных обществ: от экономических классов к рентным группам? // Социологические исследования. № 10. С. 139–148.

Мартьянов В.С. 2021. В поисках другого мейнстрима // Полит. Политические исследования. № 4. С. 112–131. DOI 10.17976/jpps/2021.04.09

Маццукато М. 2021. Ценность всех вещей. Создание и изъятие в мировой экономике. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 408 с.

Морозов В.Е. 2013. Права человека и эмансипация // Политическая наука. № 4. С. 51–68.

Ореховский П.А. 2020. Ф. фон Хайек: изобретение врага и современный неолиберализм // Вопросы регулирования экономики. Т. 11, № 4. С. 22–29. DOI 10.17835/2078-5429.2020.11.4.022-029

Поскетт Дж. 2024. Незападная история науки : Открытия, о которых мы не знали. Москва : Альпина Паблишер. 496 с.

Фишман Л.Г. 2019. Бумеранг возвращается? // Свободная мысль. № 1. С. 15–22.

Фишман Л.Г. и др. 2019. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии / Л.Г. Фишман Л.Г., В.С. Мартьянов, Д.А. Давыдов. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 416 с. DOI 10.17323/978-5-7598-1913-4

Цыганков А. 2022. Глобальный конфликт позднего модерна: логика и пределы эскалации // Россия в глобальной политике. Т. 20, № 6. С. 10–21. DOI 10.31278/1810-6439-2022-20-6-10-21

Чанг Х.-Д. 2018. Злые самаритяне. Миф о свободной торговле и секретная история капитализма. Москва : Манн, Иванов и Фербер. 256 с.

Mallard G., Sun J. 2022. Viral Governance: How Unilateral U.S. Sanctions Changed the Rules of Financial Capitalism // American Journal of Sociology. Vol. 128, № 1. P. 144–188. DOI 10.1086/719925.

Viktor S. Martyanov

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia. E-mail: martianov@instlaw.uran.ru

Unmasking the King: The Falsification of the Western Mainstream

Abstract. The mainstream of social sciences is associated with the formation of a normative picture of modern world societies. Thus,

the mainstream belongs to whoever has the greatest influence and opportunity to promote and disseminate his views. In this context, it is difficult to separate any description of the social world and its regularities from the establishment of the very rules of its functioning. The current historical weakening of the West and strengthening of non-Western centres of power are redistributing spheres of global influence. While the non-West is rapidly gaining technological and resource autonomy, residual colonial thinking and imaginary global hierarchies remain more stubbornly intractable. A better world inevitably emerges from a conflict in which the parties lose their former illusions about themselves and their place in the world, take stock of their own resources, and adopt pragmatic negotiating positions on fundamental issues. In this context, the goal of socio-political theories is always not only the search for truth about society, but also the value-institutional leadership of the subjects of these theories in the interpretation of post-Western Modernity. One of the key issues in the global transformation of the mainstream of social sciences, cultural and political economic hierarchies is the legitimisation of long overdue changes in which non-Western participants in conflict interactions are increasingly invested. Consistent opposition to the West implies the role not of a habitually humiliated traditionalist opposition, but rather in an active contestation of Western hegemony in the interests of a broader, fairer and more global version of Modernity. Russian society currently has the capability to serve as a system-forming moral and political subject of such a version of Modernity.

Keywords: mainstream; West; Modernity; Contemporaneity; friend-enemy; centre-periphery; binary codes; transitology; legitimation; social change